Я была здесь

Автор:
Гейл Форман

Я была здесь

Гейл Форман

В основу романа Гейл Форман легла реальная история Сьюзи Гонсалес, девушки, чья жизнь оборвалась трагически и внезапно.

Когда Мэг, лучшая подруга Коди, решается на самоубийство, жизнь маленького городка меняется. Причину ее поступка ищут все – любящие родители, друзья и маленький брат. Не может смириться с утратой и Коди. Они были вместе с самого детства – как же она могла не заметить, что Мэг нужна помощь? Чтобы разобраться в случившемся, Коди едет в университетский городок, где еще совсем недавно жила Мэг. Там Коди понимает, что ей было известно о подруге далеко не все. Она ничего не знала о ее новых друзьях, о Бене, юноше с гитарой и насмешливой улыбкой, и – главное – о зашифрованном файле, который Мэг старательно прятала…

Гейл Форман

Я была здесь

© Федорова Ю., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается Сьюзи Гонсалес

1

На следующий день после смерти Мэг мне пришло вот такое письмо:

К сожалению, вынуждена сообщить, что мне пришлось покончить с собой. Я думала об этом очень долго и приняла такое решение самостоятельно. Я знаю, что тебе будет больно, и прошу меня за это простить, но, пожалуйста, пойми, что мне было просто необходимо прекратить свои страдания. С тобой это никак не связано, только со мной. Ты ни в чем не виновата.

Она отправила такие письма родителям, мне и в полицию Такомы, а отдельным текстом рассказала, в каком мотеле и в каком номере находится, какой яд выпила и как обращаться с ее трупом, чтобы не повредить себе. На подушке в мотеле оказалась еще одна записка, в которой она велела горничной вызвать полицию и не трогать тело. И оставила ей пятьдесят долларов на чай.

Письма по электронке были отправлены с задержкой, чтобы мы получили их через значительное время после того, как ее не станет.

Разумеется, я об этом узнала не сразу. А когда прочла письмо Мэг на экране библиотечного компьютера, подумала, что это, наверное, какая-то шутка. Или розыгрыш. Я позвонила Мэг, она не ответила, тогда я набрала ее родителям.

– Вы получили письмо от Мэг? – спросила я.

– Какое письмо?

2

Заупокойные службы. Бдения. Потом общие молитвы. Я все больше во всем этом путаюсь. Во время ночного бдения надо держать в руках свечи, но иногда так делают и на общих молитвах. А на заупокойной службе люди разговаривают друг с другом, хотя что тут можно сказать?

Достаточно того, что Мэг умерла. Намеренно лишила себя жизни. Хотя за то, что мне теперь из-за нее приходится терпеть все это, я бы сама ее убила.

– Коди, ты готова? – кричит Триша.

Сегодня четверг, вторая половина дня, и мы собираемся уже на пятую службу за последний месяц. Бдение со свечами. Вроде как.

Я выхожу из своей комнаты. Мама застегивает черное коктейльное платье, которое она купила в «Гудвиле» после смерти Мэг. Пока Триша носит его на эти службы, но я не сомневаюсь, что пройдет немного времени, и она начнет выходить в нем в свет и по другим случаям. Мама выглядит в нем очень сексапильно. Как и многим другим жителям нашего городка, траур ей к лицу.

– Почему ты не одета? – спрашивает она.

– У меня все приличное – грязное.

– Что значит приличное?

– В смысле, то, что более-менее подходит для похорон.

– Раньше грязь тебя не смущала.

Мы пристально смотрим друг на друга. Когда мне было восемь, Триша объявила, что я достаточно большая, чтобы самой стирать свои вещи. А я ненавижу стирку. Думаю, вы видите, к чему это приводит.

– Я вообще не понимаю, зачем нам идти на очередную службу, – признаюсь я.

– Потому что согражданам надо переварить случившееся.

– Еду надо переваривать. А согражданам лучше отвлечься на другую драму.

Как гласит потускневший знак на шоссе, в нашем городке проживает тысяча пятьсот семьдесят четыре человека.

«Тысяча пятьсот семьдесят четыре человека, – сказала Мэг, сбегая прошлой осенью в Такомский колледж, в котором ей дали полную стипендию. – А когда ты переедешь в Сиэтл и мы на двоих снимем квартиру, будет тысяча пятьсот семьдесят два».

Пока зависло на тысяче пятьсот семидесяти трех, и, полагаю, так и будет, пока не родится или не умрет кто-то еще. Мало кто уезжает. Даже когда Тэмми Хентхофф и Мэтт Парнер разошлись со своими супругами и сбежали вдвоем – это была самая популярная тема для сплетен до того, как умерла Мэг, – они переехали не далее чем в парк «домов на колесах», разбитый на окраине.

– А мне обязательно идти? – Хотя я не знаю, зачем утруждаю себя вопросом. Триша – моя мать, но власти она надо мной не имеет. Но идти обязательно, я это понимаю, и понимаю почему. Ради Джо и Сью.

Это родители Мэг. То есть были. Я все никак не привыкну. Интересно, когда человек умирает, ты перестаешь быть ему родителем? А если он расстался с жизнью умышленно?

У них обоих совершенно разбито сердце и такие огромные мешки под глазами, что, наверное, уже никогда не пройдут. И именно ради Джо и Сью я выбираю наименее вонючее платье и натягиваю его на себя. И готовлюсь петь. Снова.

«О, благодать». О ужас.

3

Я мысленно написала уже с десяток панегириков по Мэг – обо всем, что я могу о ней сказать. О том, как в первые же дни познакомилась с ней в детском саду и она подарила мне наш с ней общий портрет, написав на нем наши имена и еще какие-то незнакомые мне слова, – я тогда, в отличие от Мэг, ни читать, ни писать не умела. «Тут говорится, что мы с тобой лучшие подруги», – пояснила она. И это сбылось, как и все ее предсказания и желания. Я могла бы рассказать о том, что все еще храню тот рисунок. В жестяной коробке от инструментов с другими своими сокровищами, хотя листок уже очень старый и потрепанный из-за многочисленных просмотров.

Еще я могла бы сказать о том, что Мэг замечала в людях такое, чего они сами за собой не знали. Например, кто сколько раз чихает подряд – оказывается, тут есть закономерность. Я – три раза, Скотти и Сью – по четыре, Джо – два, сама Мэг – пять. А еще она могла вспомнить, на ком что было надето в любой знаменательный день, на каждый Хеллоуин. Она была для меня как мой собственный архив. И как творец моей истории – ведь практически каждый Хеллоуин мы проводили с ней вместе, как правило, в придуманных ею костюмах.

Или о том, что Мэг была просто помешана на песнях о светлячках. Это началось в девятом классе, когда ей попалась виниловая пластинка с синглом группы «Heavens To Betsy». Подруга затащила меня к себе в комнату и поставила эту поцарапанную пластинку на старом граммофоне, купленном за доллар на распродаже. Она и ремонтировала его своими руками при содействии видеороликов на Ютьюбе. «И тебе никогда не понять, что значит небо озарять. Ты не узнаешь, дурачок, как чувствует себя светлячок», – пела Корин Такер[1 - Корин Лиза Такер (р. 1972) – американская певица, гитаристка и актриса.], и ее голос казался одновременно нечеловечески сильным и уязвимым.

После этого открытия Мэг начала собирать настоящую коллекцию всех годных песен про светлячков. Будучи, как всегда, верна себе, за неделю она нарыла просто огромный список. «Ты когда-нибудь хотя бы видела светлячка?» – поинтересовалась я, пока она над ним корпела.

Я знала, что нет. Мэг, как и я, ни разу не бывала западнее Скалистых гор. «Успею еще», – ответила она, разводя руками, словно показывая, какой кусок жизни ждет ее впереди.

Джо и Сью Гарсиасы просили меня произнести речь на первой службе, на серьезной, которая должна была пройти в католической церкви, что их семья посещала несколько лет. Но она не состоялась, потому что отец Грейди хоть и был другом семьи, но строго придерживался правил. Он сказал Гарсиасам, что их дочь совершила смертный грех, следовательно, ее душе не место в раю, а ее телу – на католическом кладбище.

Хотя вторая половина была сказана лишь ради красного словца. Полиция далеко не сразу отдала труп. По всей видимости, Мэг выпила какой-то редкий яд, хотя никого из тех, кто ее знал, это бы нисколько не удивило. Она никогда не покупала одежду в сетевых магазинах, постоянно слушала такую музыку, о которой никто больше не знал. Разумеется, и яд выбрала какой-то нераспространенный.

Так что гроб, над которым все лили слезы на первой серьезной службе, был пуст, а сами похороны пока не состоялись. Я случайно услышала, как Хавьер, дядя Мэг, сказал своей подружке, что, может, так оно и лучше. К тому же никто не знал, что написать на могильной плите. «Что ни скажи, звучит как упрек», – прокомментировал он.

Я пыталась написать речь для этой службы. По-честному. Для вдохновения достала записанный моей подругой диск с песнями про светлячков. Третьим шел трэк группы «Bishop Allen» под названием «Светлячки». Не уверена, вслушивалась ли я когда-либо в этот текст раньше – потому что теперь он прозвучал как пощечина из могилы: «Говорят, что ты все еще можешь простить ее. И она тебя тоже простит».

Но я не знаю, могу ли. И не уверена, простила ли она меня.

Я извинилась перед Сью и Джо, что не могу прочесть панегирик, потому что ничего в голову не идет.

Так я впервые им солгала.

Сегодня служба проходит в клубе «Ротари», то есть она не официально церковная, хотя проводить ее будет какой-то священник. Не знаю, откуда они берутся, все эти люди, которые даже не были знакомы с Мэг. После службы Сью

приглашает меня на очередной прием у них дома.

Раньше я проводила там столько времени, что по запаху в прихожей могла определить, в каком Сью настроении. Аромат масла означал, что она печет, то есть ей грустно, и ее требуется подбодрить. Запах специй говорил о том, что она счастлива и готовит что-нибудь остренькое для Джо из мексиканской кухни, хотя у нее самой от нее желудок болит. Когда пахло попкорном, она лежала в темноте в своей постели и ничего не готовила, предоставив Мэг и Скотти самим себе, то есть они разогревали себе в микроволновке всякий фаст-фуд. В такие дни Джо шутил, как повезло детям, что они могут набивать себе живот всякой гадостью, и шел вверх по лестнице проверить, как там Сью. И мы все делали вид, что радуемся, хотя после третьей пачки попкорна уже начинало тошнить.

Я очень хорошо знаю их семью и, набирая номер Гарсиасов в то утро, когда получила письмо от Мэг, не сомневалась, что Сью в субботу в одиннадцать еще лежит в постели, хотя уже не спит, как она сама говорила, после того, как дети перестали будить с утра пораньше, она так и не вернулась к прежнему графику. А Джо варил себе кофе, разложив на кухонном столе утреннюю газету. Скотти смотрел мультики. Среди прочего я любила дом Мэг за такое постоянство. Этим ее семья отличалась от моей – Триша обычно раньше обеда не просыпалась, иногда она варила кашу, а иногда ее было вообще не найти.

Но теперь дом Гарсиасов примечателен иным постоянством, менее привлекательным. Но когда Сью зовет меня в гости, я всегда соглашаюсь, как ни хотелось бы отказаться.

Сегодня у дома припарковано меньше машин, чем бывало раньше, когда выразить соболезнования приходил весь город, принося заодно что-нибудь из еды. Все это было тяжко – эти их запеканки и сопутствующие им «искренне соболезную». В то время как по всему городу ходили слухи. «Ничего удивительного. Издалека было видно, что девочка с причудами», – шептали люди в магазинах типа «Секл-Ки». Мы с Мэг знали, что некоторые именно так о ней отзываются, – в нашем городке она была подобна цветущей розе в пустыне, народ ее не понимал – но теперь, когда она умерла, в таких комментариях уже ничего почетного не слышалось.

И на прицеле у них была не только Мэг. У Триши в баре я слышала колкости и в адрес Сью. «Я бы на ее месте заметила, что у моей дочери суицидальные наклонности». И говорила это мать Кэрри Таркингтон, переспавшей с половиной школы. Я хотела спросить, знает ли миссис Таркингтон об этом, если она такая догадливая. Но тут ей ответила подруга: «На месте Сью? Да ты что, эта женщина в лучшем случае витает в облаках». Для меня их бессердечность была как удар под дых. «Сволочи, а вам бы каково было, если бы у вас дочь погибла?» – едко спросила я. Трише пришлось отвезти меня домой.

А после сегодняшней службы ей надо работать, так что она высадила меня у дома Гарсиасов. Я сама открыла дверь. Джо и Сью крепко меня обняли, продержав чуточку дольше, чем мне бы хотелось. Я понимаю, что они видят во мне некое утешение, но когда Сью на меня смотрит, я слышу ее молчаливые вопросы и понимаю, что все они сводятся к одному: «Ты знала?»

Не представляю, что было бы хуже. Если бы я знала и не сказала. Или как есть: хотя мы с Мэг и были лучшими подругами и я сама рассказывала ей все и предполагала, что и она так же всем делится со мной, – я не знала. Совершенно не догадывалась.

«Я думала об этом очень долго», – писала она в письме. Долго? Сколько? Несколько недель? Месяцев? Лет? Мы с Мэг познакомились в детском саду. И с тех пор были лучшими подругами, почти сестрами. Как долго она думала об этом, ничего мне не говоря? И – что еще важнее – почему она мне не сказала?

Десять минут прошло в вежливом печальном молчании, после чего Скотти, десятилетний брат Мэг, подходит ко мне с их – то есть теперь только его – псом Самсоном на поводке. «Погуляем?» – предлагает он нам обоим.

Я киваю и встаю. Скотти, похоже, единственный, кто сохраняет хоть какое-то сходство с собой прежним. Может, потому что он еще маленький, хотя не такой-то уж, плюс они были очень дружны с сестрой. Когда у Сью в очередной раз портилось настроение, Джо брался за ней ухаживать и их обоих не было видно, Мэг была для Скотти все равно что мать.

Сейчас конец апреля, но погоду об этом как будто не предупредили. Ветер яростный и холодный и зло бросается песком. Мы направляемся к большому

пустырю, где собакам разрешается гадить, и Скотти спускает Самсона с поводка. Пес радостно скачет прочь, ничего не зная о нашем несчастье.

– Ну, ты как, Рантмайер? – эта его старая шутливая кличка звучит фальшиво, к тому же я уже знаю, как он. Но теперь, когда Мэг уже не играет роль наседки, а Сью с Джо целиком захвачены горем, кто-то должен им хотя бы интересоваться.

– Дошел до шестого уровня в «Поиске дьявола», – сообщает он и пожимает плечами. – Теперь могу играть, сколько захочу.

– Вот повезло, – и я тут же зажимаю себе рот рукой. Мой горький кладбищенский юмор не для всех.

Но с губ Скотти срывается грубоватый смешок – он для своего возраста слишком повзрослел.

– Ну да, – он смотрит на Самсона, нюхающего под хвостом какой-то колли.

По пути домой Самсон натягивает поводок, поскольку знает, что после прогулки дадут поесть. Скотти обращается ко мне.

– Знаешь, чего я не понимаю?

Думая, что он все еще об играх, я оказываюсь не готова к его вопросу.

– Почему она мне письмо не послала.

– А у тебя есть почтовый ящик? – интересуюсь я. Словно это могло быть причиной.

Он кривится.

– Мне десять лет, а не два года. Я еще в третьем классе завел. Мэг мне постоянно что-нибудь слала.

– Хм. Ну, может, не хотела тебя расстраивать.

На какое-то время глаза у него становятся такими же бездонными дырами, как и у родителей.

– Да уж. Не расстроила.

Когда мы возвращаемся, гости уже расходятся. Я вижу, как Сью выбрасывает запеканку с тунцом. Она смотрит на меня виновато. Когда я подхожу, чтобы обнять ее на прощанье, Сью меня останавливает.

– Ты не могла бы задержаться? – спрашивает она очень тихо, и это настолько не похоже на голос болтушки Мэг, которая могла заставить кого угодно сделать что угодно и когда угодно.

– Конечно.

Сью указывает в сторону гостиной: Джо сидит на диване и таращится в пустоту, не обращая ни малейшего внимания на Самсона, сидящего у его ног и умоляющего выдать ему долгожданный ужин. Я смотрю на Джо в сгущающихся сумерках. Мэг была похожа на него, смуглого мексиканца. А он, кажется, за последний месяц состарился на тысячу лет.

– Коди, – говорит он. Всего одно слово. Но и его хватает, чтобы я расплакалась.

– Джо.

– Сью хочет с тобой поговорить, да и я тоже.

Сердце начинает биться тяжелее: спросят ли они наконец о том, знала ли я? Когда все только стало известно, мне пришлось ответить на какие-то поверхностные вопросы в полиции, но они в основном касались того, где Мэг могла раздобыть яд, о чем я не знала совершенно ничего, если не считать того, что, если уж Мэг чего-то хотелось, она всегда находила способ этого добиться.

После ее смерти я прочитала в Интернете все признаки того, что человек решил свести счеты с жизнью. Мэг не раздавала свои ценные вещи. Не рассуждала о самоубийстве. Ну, она говорила, конечно, вещи типа: «Если мисс Добсон устроит очередную викторину, я застрелюсь», – но разве это считается?

Сью садится на потертый диван рядом с Джо. С полсекунды они смотрят друг на друга, а потом им как будто становится слишком больно. И они поворачиваются ко мне. Словно я – Швейцария.

– В Каскейдс в следующем месяце заканчивается семестр, – сообщают они мне.

Я киваю. Университет Каскейдс – это престижный частный колледж, где Мэг получила стипендию. Мы с ней планировали вдвоем переехать в Сиэтл после окончания школы. Обсуждали это с восьмого класса. Собирались вместе поступить в Вашингтонский университет, первые два года жить в одной комнате в общаге, а потом переехать из кампуса. Но Мэг вдруг получила эту шикарную стипендию на обучение в Каскейдс – и этот вариант оказался куда лучше, чем Вашингтонский университет. А я поступила как раз туда, но без каких-либо стипендий. Триша недвусмысленно дала мне понять, что спонсировать меня не будет. «Я сама только-только выбралась из долгов». Так что в итоге я отказалась туда ехать и решила остаться на месте, собираясь два года проучиться в бесплатном колледже, после чего переехать в Сиэтл, поближе к Мэг.

Джо и Сью притихли. Сью ковыряет ногти, я смотрю на нее. Кутикулы у нее в ужасном состоянии. Наконец она поднимает глаза.

– Администрация к нам очень по-доброму отнеслась, предложили собрать все ее вещи и переслать нам, но мне и подумать страшно, что к ним будет прикасаться кто-то чужой.

– А ее соседи? – Это крошечный колледж, общаги там, считай, нет. Так что Мэг живет… жила… не в кампусе – она с другими студентами снимала дом.

– По всей видимости, ее комнату заперли, ничего там не трогая. Она оплачена до конца семестра, но теперь пришло время освободить помещение и перевезти вещи… – ее голос обрывается.

– Домой, – заканчивает Джо.

Через пару секунд до меня доходит, о чем они хотят меня попросить. Поначалу я даже испытываю облегчение, поскольку не придется признаваться в том, что я не знала о замыслах Мэг. И в том, что в тот единственный раз в жизни, когда я, возможно, была ей нужна, я ее подвела. Но вскоре тяжесть их просьбы нагоняет меня, словно удар в живот. Но это не значит, что я откажу. Я это сделаю.

– Вы хотите, чтобы я съездила за вещами? – переспрашиваю я.

Они кивают. Я тоже киваю. Это самое малое, что я могу сделать.

– Разумеется, когда у тебя занятия закончатся, – говорит Сью.

Формально – они закончатся в следующем месяце. Неформально – уже закончились, когда я получила это письмо от Мэг. Теперь у меня только двойки и незачеты. Но это не важно.

– И если удастся отпроситься с работы, – добавляет Джо.

Говорит он это с уважением, словно я занимаюсь чем-то важным.
Я домработница. Люди, у которых я убираю, как и все жители нашего городка, знают о случившемся – и все они были очень милы, все говорили, что я могу сделать перерыв на столько, на сколько понадобится. Но мне не нужно свободное время, в которое я лишь буду снова и снова думать о подруге.

– Да я в любое время могу, – отвечаю я, – хоть завтра, если хотите.

– У нее вещей не очень много было. Можешь взять машину, – предлагает Джо.
У них со Сью одна тачка на двоих, поэтому они составляют свой график так, чтобы Сью могла отвезти Джо на работу, а потом Скотти в школу и успела сама, а вечером забрала всех по пути домой, примерно как планируются экспедиции в НАСА. И на выходных то же самое – закупить продукты и сделать другие дела, на которые не хватило времени на неделе. А у меня машины и вовсе нет. Изредка, очень изредка, Триша разрешает взять ее тачку.

– Может, на автобусе? У нее действительно вещей мало. Было.

Джо и Сью вздыхают с облегчением.

– Мы заплатим за билет. А если будет много, то соберешь в коробки и перешлешь через Ю-Пи-Эс, – говорит Джо.

– Да все везти и не нужно, – Сью ненадолго смолкает. – Только самое важное.

Я киваю. Гарсиасы смотрят на меня с такой благодарностью, что я вынуждена отвести взгляд. Это не такая уж поездка – просто небольшая задачка на три дня. День туда, день все собрать, день обратно. Мэг о таком и просить бы не пришлось – сама бы предложила.

4

Периодически мне попадаются на глаза статьи о том, как Такома развивается и обогащается, так что уже начинает конкурировать с Сиэтлом. Но когда автобус подъезжает к пустынному центру, мне видится в этом какое-то отчаяние, словно конкурент чересчур напрягается и проигрывает. И вспоминаются Тришины подруги из бара, которым уже за пятьдесят, а они все носят мини-юбки, платформы и ярко красятся, хотя им уже никого не обмануть. Баранина в шкурке ягненка, как шутят на их счет в городе.

Когда Мэг уезжала, я обещала навещать ее раз в месяц, но в итоге приехала только раз, в октябре прошлого года. Я купила билет до Такомы, но, когда двери автобуса открылись на вокзале Сиэтла, оказалось, что она ждет меня там. Подруга решила, что мы будем целый день гулять по Кэпитол-Хилл, на ужин возьмем еды в какой-нибудь дыре в китайском квартале, а потом отправимся на концерт в Беллтаун – то есть займемся тем, о чем мечтали, обсуждая наши планы на совместную жизнь. Мэг так горела своими идеями, что я даже не смогла понять, было ли это с ее стороны завлекаловом или утешительным призом.

План в любом случае провалился. Было дождливо и холодно, а дома в это же время – ясно и холодно. Вот тебе еще одна причина не переезжать в Сиэтл, сказала себе я. И все места, куда мы ходили: магазины с винтажными тряпками, комиксами, кофейни, – все это показалось мне не таким крутым, как я воображала. По крайней мере я так сказала подруге.

«Извини», – ответила она. Без сарказма, искренне, словно это она была повинна в недостатках Сиэтла.

Но я соврала. Сиэтл оказался отличным. Даже с такой паршивой погодой мне бы понравилось там жить. Но я не сомневаюсь, что мне понравилось бы и в Нью-Йорке, и на Таити, и в миллионе других мест, куда мне никогда не попасть.

Вечером мы должны были идти на какой-то концерт, Мэг знала ребят из этой группы, но я упросила ее отказаться от этой затеи, сказав, что очень устала. И мы вернулись к ней в Такому. Изначально я собиралась провести там почти весь следующий день, но сделала вид, будто у меня заболело горло, и села на ранний автобус.

Мэг звала меня снова, но я всегда находила поводы отказаться: забитый график, дорогой автобус. Все это действительно было так, но все равно – неправда.

Чтобы добраться до крошечного зеленого кампуса Каскейдс, расположившегося на берегу, надо пересесть с одного автобуса на другой. Джо сказал, что мне надо взять в офисе какие-то бумаги и ключ. Хотя Мэг и не жила в кампусе, все равно за размещение студентов отвечал университет. Как только я представилась, они сразу поняли, зачем я приехала, – мне такой взгляд уже хорошо знаком. Я его ненавижу и легко распознаю: наигранное сострадание.

– Примите наши соболезнования, – говорит мне толстая женщина, одетая во что-то свободное, отчего кажется еще крупнее. – Мы проводим еженедельные встречи для тех, кого затронула смерть Меган. Как раз скоро будет очередное собрание, если хочешь, приходи.

Меган? Ее так только бабушка с дедушкой звали.

Женщина вручает мне какую-то брошюрку с большой цветной фоткой улыбающейся Мэг, которую я не узнаю. Сверху подпись: «Линия жизни» с сердечками.

– В понедельник, во второй половине дня.

– Я к тому времени уже уеду.

– Ах, жаль. – И после паузы добавляет: – Студентам кампуса эти встречи приносят большое облегчение. Все были ужасно потрясены.

«Потрясены» – это не то слово. Потрясена я была, когда наконец вынудила Тришу признаться, кто мой отец, и узнала, что до того, как мне исполнилось девять, он жил всего в тридцати километрах от нас. Но ситуация с Мэг совершенно иная – это все равно что однажды проснуться и обнаружить, что ты теперь живешь на Марсе.

– Я всего на один день, – добавляю я.

– Жаль, – повторяет она.

– Да.

Женщина вручает мне ключи, объясняет, как добраться до дома, предлагает звонить ей, если что-то понадобится, но я выхожу, прежде чем она успевает дать мне визитку. Хуже того, она же могла попытаться меня еще и обнять.

Я стучу в дверь старого дома, где жила Мэг, никто не открывает, так что я захожу сама. В доме пахнет пивом, пиццей, водой из бонга и чем-то еще – такой аммиачный запах, как от грязного кошачьего туалета. Играет концертная запись то ли «Fish», то ли «Widespread Panic» – такая хипповская дрянь, от которой Мэг бы просто застрелилась. Я останавливаюсь, вспомнив, что она, по сути, это и сделала.

– Ты кто? – Передо мной стоит высокая и до смешного красивая девчонка в пестрой майке с пацификом и с усмешкой на лице.

– Я Коди. Рейнолдз. Я приехала к Мэг. То есть за ее вещами.

Девчонка напрягается, как будто бы из-за Мэг, от одного о ней упоминания, вся ее слащавость скисла. Я ее уже возненавидела. Она к тому же представляется как «Дерево», и мне так жаль, что подруга не рядом, чтобы мы могли обменяться наработанным за долгие годы неуловимым взглядом,

выражающим наше обоюдное презрение. Дерево?

– Ты тут живешь? – спрашиваю я. Когда Мэг только переехала, она слала мне длинные письма о занятиях, преподах, практике, а иногда прикрепляла до жути смешные шаржи на своих соседей, которые она рисовала углем и специально сканировала для меня. Обычно я такое любила, это ее упоительное высокомерие, ведь так было всегда: «Мы с Мэг против всего мира». Дома нас даже прозвали «сладкой парочкой». Но, читая ее письма, я думала, что подруга нарочно подчеркивает недостатки своих соседей по дому, чтобы я не слишком грустила, и от этого мне становилось только хуже. В любом случае никакого Дерева я не помню.

– Я подруга Рича, – отвечает мне эта стерва-хиппи. Ах да, Мэг прозвала его Упоротым Ричем. Я его даже видела, когда приезжала в прошлый раз.

– Ладно, пойду займусь делом, – говорю я.

– Давай, – отвечает Дерево. После того как вокруг меня все целый месяц ходили на цыпочках, такая неприкрытая враждебность меня шокирует.

Я, можно сказать, ждала, что у двери Мэг соорудили алтарь типа тех, которые появились у нас в городе, – когда я вижу такой, мне так и хочется переломать цветы и повыбрасывать свечи.

Но тут такого нет. Вместо этого к двери приклеена обложка диска группы «Poison Idea» – «Почувствуй тьму». На ней изображен парень, приставивший к голове револьвер. Это вот так они решили почтить ее память?

Почти задыхаясь, я поворачиваю ключ, а затем дверную ручку. В комнате все оказывается тоже не так, как я ожидала. Мэг славилась своей склонностью к бардаку: дома у нее в комнате росли шатающиеся башни из книг и дисков, всюду валялись рисунки и всякие недоделки – лампа, которую она начинала чинить, фильм «Супер 8»[2 - «Супер 8» – американский фантастический фильм режиссера Дж. Дж. Абрамса и продюсера Стивена Спилберга.], который она хотела перемонтировать на свой лад. Сью сказала, что соседи заперли комнату, ничего не трогая, но мне кажется, что здесь кто-то побывал. Постель заправлена. Почти все вещи уже аккуратно сложены. Под кроватью лежат коробки, которые осталось только собрать.

Мне понадобится два часа максимум. Если бы я знала, взяла бы все же тачку у Гарсиасов и обернулась в один день.

Сью с Джо предлагали мне денег, чтобы снять номер в мотеле, но я отказалась. Я же знаю, насколько они стеснены в средствах и что каждый лишний цент шел на образование Мэг – даже при полной стипендии оказывается очень много скрытых расходов. И после смерти пришлось много тратить. Поэтому я сказала, что переночую здесь. Но, оказавшись в ее комнате, я невольно вспомнила прошлый – и единственный – раз, когда я тут спала.

Мы с Мэг с самого детства без проблем ночевали в одной кровати, на раскладушке, в спальном мешке. Но в мой прошлый визит Мэг сладко спала, а я лежала рядом без сна. Она тихонько похрапывала, я периодически ее толкала, как будто бы именно это мне мешало. В воскресенье, когда мы встали, у меня в животе пустило корни что-то колкое и злое, толкающее на конфликт. Но меньше всего на свете мне хотелось ссориться с Мэг. Она мне ничего не сделала. И она моя лучшая подруга. Поэтому я просто уехала пораньше. Не из-за горла.

Я спускаюсь обратно. Вместо «Fish» уже играет другая музыка, рок потяжелее, кажется «Black Keys». Неожиданный поворот, но мне нравится больше. На фиолетовом велюровом диване сидят какие-то люди с пиццей и дюжиной банок пива. Среди них я замечаю и Дерево и прохожу мимо, не уделив ребятам внимания, проигнорировав и пиццу, от запаха которой у меня начинает урчать в животе, ведь я с утра ничего не ела, разве только пирожное «Литтл Дэбби» в автобусе.

На улице сгущается туман. Через какое-то время я добираюсь до ряда забегаловок, захожу в одну и заказываю кофе, а после недовольного взгляда официантки беру и завтрак за 2.99, который тут подают в любое время дня, и делаю вывод, что за это мне можно окопаться здесь на всю ночь.

Через несколько часов и несколько добавок кофе официантка наконец оставляет меня в покое. Я достаю книгу, жалея, что не взяла какой-нибудь захватывающий триллер. Но миссис Бэнкс, наша библиотекарша, подсадила меня на писателей из Центральной Европы. Мы с ней на одной волне. Это началось, когда мне было двенадцать и она заметила меня в баре Триши с романом Джеки Коллинз[3 - Жаклин Джилл Коллинз (р. 1937) – британская писательница.]. Мне порой

приходилось там сидеть во время смены Триши. Миссис Бэнкс поинтересовалась, что мне еще нравится из литературы, я назвала кое-что – в основном это были книжки в мягкой обложке, которые Триша притаскивала домой из лаунджа в баре. «Видно, ты любишь читать», – сказала миссис Бэнкс и пригласила зайти в библиотеку на следующей неделе. Я пришла, она завела на меня карточку и выдала мне «Джейн Эйр»[4 - Роман английской писательницы Шарлотты Бронте 1847 г.] и «Гордость и предубеждение»[5 - Роман английской писательницы Джейн Остин 1813 г.]. «Когда дочитаешь, скажи, понравилось ли, и я дам тебе что-нибудь еще».

Я прочла их за три дня. Больше всего мне пришлась по вкусу Джейн Эйр, а вот мистер Рочестер мне до жути не понравился, я бы предпочла, чтобы он сгорел. Услышав такой отзыв, миссис Бэнкс улыбнулась и дала мне «Доводы рассудка»[6 - Роман Джейн Остин 1817 г.] и «Грозовой перевал»[7 - Роман английской писательницы Эмили Бронте 1847 г.]. Их я проглотила за несколько дней. И с тех пор я как минимум раз в неделю ходила в библиотеку, и она мне что-нибудь подбирала. Я удивлялась, что в нашей крошечной библиотеке оказалось такое множество книг – только несколько лет спустя я узнала, что миссис Бэнкс специально заказывала из других библиотек то, что, по ее мнению, должно было мне понравиться.

Сегодня со мной задумчивый Милан Кундера[8 - Милан Кундера (р. 1929) – современный чешский писатель-прозаик.], от которого у меня наливаются тяжестью веки. Каждый раз, когда глаза закрываются, официантка, у которой как будто бы есть специальный радар, подходит и подливает мне кофе, хотя после прошлой порции я уже перестала его пить.

Продержавшись примерно до пяти утра, я расплачиваюсь, оставляю большие чаевые, поскольку не знаю, со зла ли официантка не давала мне спать или, наоборот, делала это для того, чтобы не пришлось меня выставить. Я сначала брожу по кампусу, а в семь открывается библиотека, и, отыскав там тихий угол, я засыпаю на несколько часов.

Когда я вновь подхожу к дому Мэг, на крыльце пьют кофе парень с девушкой.

– Привет, – говорит он, – ты Коди, да?

– Ага.

– Я Ричард.

– Да, мы уже встречались, – говорю я. Он этого как будто не помнит. Наверное, слишком упоротый был.

– А я Элис, – представляется девушка. Я вспоминаю, как Мэг что-то рассказывала про новенькую, которая заселилась к ним зимой вместо девчонки, которую после первого семестра перевели в другое место.

– Где ты была? – интересуется он.

– Ночевала в мотеле, – вру я.

– Не в «Старлайне» же?! – встревоженно спрашивает Элис.

– Что? – До меня лишь через секунду доходит, что «Старлайн» – это тот самый. Где сняла комнату Мэг. – Нет, в другом.

– Кофе хочешь? – предлагает Элис.

Весь кофе, выпитый мной за ночь, превратился в животе в кислоту, и, хотя у меня совершенно нет сил, да и мысли как в тумане, мне уже и думать о нем противно. Так что я качаю головой.

– А покурить? – добавляет Упоротый Ричард.

– Ричард, – с упреком говорит Элис. – Ей такие сборы предстоят. Кому захочется делать это под кайфом?

– А мне кажется, что как раз и захочется, – отвечает Упоротый Ричард.

– Нет, спасибо, – отказываюсь я. Но тут из-за тонкой дымки облаков пробивается солнце и светит так ярко, что у меня начинает кружиться голова.

– Присядь. И поешь, – говорит Элис. – Я тут учусь печь хлеб, готова свежая буханка.

– В этот раз чуть меньше похоже на кирпич, чем обычно, – заверяет меня Ричард.

– Да он нормальный. – После паузы Элис добавляет: – Если намазать побольше масла и меда.

Не нужен мне ее хлеб. Я и раньше с этими людьми знакомиться не хотела, а сейчас и тем более. Но Элис сбегала на кухню, не успела я и глазом моргнуть. Хлеб получился очень плотный и тугой, но она оказалась права – с маслом и медом вполне приемлемо.

Доев, я смахиваю крошки с колен.

– Ладно, пойду уже, – и я направляюсь к двери. – Хотя самую тяжелую работу за меня кто-то уже выполнил. Вы не знаете, кто все сложил?

Упоротый Ричард с Элис переглядываются.

– Она в таком виде все и оставила, – говорит Элис. – Сама все сложила.

– За всем барахлом умудрялась уследить до самого горького конца, – добавляет Ричард. Затем смотрит на меня и кривит лицо: – Извини.

– Не извиняйся. Мне так будет быстрее, – отвечаю я, и так небрежно, как будто бы для меня это реально большое облегчение.

На то, чтобы собрать все остальное, уходит часа три. Дырявые майки и нижнее белье я откладываю в сторону – это ведь им не понадобится? Выбрасываю и собранную в углу стопку музыкальных журналов. Что делать с простынями, я затрудняюсь решить – они еще хранят ее запах, и я не знаю, окажет ли он такое же воздействие на Сью, как и на меня: я вспоминаю Мэг всем нутром, как живую, все совместные ночевки, вечеринки с танцами, разговоры до трех часов, после которых наутро было плохо из-за адского недосыпа, но и в то же время классно, потому что эти беседы действовали все равно что переливание крови, столько в них звучало настоящего, столько надежды, они походили на булавочные головки света на темной ткани жизни нашего крохотного городка.

Я пытаюсь вдохнуть в себя эти простыни. Если удастся, может, этого хватит, чтобы все стереть. Но задержать дыхание навсегда не удастся. Все равно в какой-то момент придется выдохнуть, а потом будет как тогда поутру, когда просыпаешься и вспоминаешь все не сразу, а постепенно.

Контора Ю-Пи-Эс находится в центре, придется брать такси, оттащить все туда и отправить, вернуться за сумками и успеть на последний семичасовой автобус. А Элис с Упоротым Ричардом сидят все там же. Непонятно мне как-то, учится ли вообще хоть кто-то в этом колледже с якобы хорошей репутацией.

– Я почти все, – сообщаю я. – Осталось только коробки запечатать, и поеду.

– Мы тебе котов принесем, – предлагает Упоротый Ричард.

– Котов?

– У Мэг было два котенка, – поясняет Элис и смотрит на меня, склонив голову. – Она тебе не рассказывала?

Я не показываю, насколько удивлена. Или уязвлена.

– Ни о каких котах я ничего не знаю, – говорю я.

– Пару месяцев назад она подобрала пару котят с улицы. Совсем тощих и больных.

– Ага, и из глаз у них такая мерзость текла, – добавляет Упоротый Ричард.

– Да, воспаление какое-то было. Помимо прочего. Мэг взяла их домой. Потратила кучу бабла на лечение, но выходила. Она так любила этих котят, – Элис качает головой. – Это меня больше всего удивляет. Она столько сил в них вложила, а потом… ну, сама знаешь.

– Ну да, пути ее были неисповедимы, – отвечаю я. А в душе у меня такая горечь, я уверена, что они ловят ее запах в моем дыхании. – Но меня эти коты не интересуют.

– Но куда-то же их надо деть, – говорит Элис. – Другие жильцы за ними ухаживали, но нам держать животных нельзя, к тому же на лето все разъезжаются и никто не сможет их взять.

– Придумаете что-нибудь, – отвечаю я, пожав плечами.

– Ты их хоть видела? – Элис заходит за угол дома и начинает их звать, и вскоре в гостиную вкатываются два крошечных шерстяных комочка. – Это Раз, – говорит она, показывая на серого с темным пятном на носу, – а другой – Еще Раз.

Раз и Еще Раз поехали кататься на лодке. Раз вывалился. Кто остался? Эту загадку загадывал нам Хавьер, дядя Мэг, и мы любили друг друга ею изводить. Еще Раз. Еще Раз. Еще Раз.

Элис сажает котенка мне на руки, и он тут же начинает перебирать лапами, как они делают обычно, когда ищут молоко. Но потом он сдается и засыпает, прижавшись маленьким клубочком к моей груди. И внутри становится щекотно, словно эхо из других времен, когда внутри все еще не было таким замерзшим.

Когда кот начинает мурлыкать, мне приходит конец.

– А тут никакого приюта для животных нет?

– Есть, но у них там все переполнено, так что их держат всего три дня, а потом… сама понимаешь, – Элис проводит как бы ножом по горлу.

Раз или, может, Еще Раз все еще мурлычет, лежа у меня на руках. К себе я их взять не могу. У Триши говноприпадок будет. В дом она их не пустит, так что их немедленно сожрут койоты, или они сами умрут от холода. Я могу спросить, не захотят ли их взять Сью и Джо, хотя я видела, как Самсон гоняет кошек.

– В Сиэтле есть несколько приютов, где животных не убивают, – говорит Упоротый Ричард. – Я читал об этом в статье «Фронта освобождения животных».

Я вздыхаю.

– Ладно. На обратном пути заверну в Сиэтл и оставлю их там.

Упоротый Ричард смеется.

– Это не то же самое, что вещи в химчистку сдать. Так просто оставить не получится. Надо назначить встречу для приема или типа того.

– А когда ты химчисткой пользовался? – интересуется Элис.

Сидящий у меня на руках Раз/Еще Раз мяукает. Элис переводит взгляд на меня.

– Тебе сколько до дома ехать?

– Семь часов, плюс еще коробки надо отправить.

Она смотрит на меня, потом на Ричарда.

– Сейчас три. Может, тебе лучше съездить в Сиэтл, отдать котов в приют, а домой поедешь завтра утром.

– А вы не можете их отвезти? – спрашиваю я. – Вы, похоже, уже все знаете.

– Мне курсовую по теме женщин писать.

– А когда закончишь?

На секунду она задумывается.

– Нет. Это котята Мэг. Мне кажется неправильным отправлять их в приют.

– И ты, значит, предпочитаешь переложить эту грязную работу на меня? – В моем голосе звучит раздражение, хотя я понимаю, что грязную работу на меня взвалила не Элис, но, когда она съеживается, я испытываю некое мрачное удовлетворение.

– Слушай. Я довезу тебя до Сиэтла, – предлагает Упоротый Ричард. – Устроим там кошатину, а ты потом вернешься сюда и с утра поедешь домой. – Похоже, он хочет распрощаться со мной точно так же, как и я с ним. Хотя бы чувства у нас взаимны.

5

Оказывается, проникнуть в сиэтлский приют для животных труднее, чем в крутейший ночной клуб с бархатными канатами. В первых двух не оказывается мест, и никакие мольбы не спасают. В третьем место есть, но нужна заявка на прием и копия ветеринарных документов. Я сообщаю хипстерше с пирсингом и в обуви, сделанной без использования натуральной кожи, что я уезжаю и коты уже в машине, она смотрит на меня с полнейшим презрением и говорит, что об этом надо было думать до того, как заводить котят. Мне хочется ей врезать.

– Ну что, может, теперь хочешь покурить? – снова предлагает Упоротый Ричард после третьего неудачного захода. Уже восемь, все приюты закрылись.

– Нет.

– А в клуб сходить или куда еще? Развеяться? Раз уж мы в Сиэтле?

Я уставшая еще с прошлой ночи, компания Упоротого Ричарда никакой радости мне не доставляет, и я пытаюсь придумать, как раздобыть ветеринарные документы завтра – в воскресенье. И пытаюсь отмазаться от его предложения.

– Можем зайти в какую-нибудь дыру из тех, что любила Мэг. Иногда она соизволяла взять нас с собой. У нее тут целая куча любимых собеседников была, – добавляет он после паузы.

Я тут же реагирую на слова «соизволяла» и «собеседников» удивлением. Но, по правде сказать, мне хотелось бы увидеть эти места. Я вспоминаю клуб, в который мы с ней должны были пойти в тот раз. Думаю обо всех других клубах, в которые мы ходили бы, если бы я приезжала чаще. Мэг очень интересовалась музыкальной тусовкой, хотя после моего приезда ее написанные на одном дыхании письма на эту тему постепенно сошли на нет.

– А как же котята? – спрашиваю я.

– Ничего с ними в машине не случится, – отвечает Ричард. – Сегодня градусов тринадцать, еда и вода есть. – Он показывает на Раза и Еще Раза, которые всю дорогу пищали и кричали, а теперь тихонько уснули в своей переноске, прижавшись друг к другу.

И вот мы едем вдоль канала в клуб во Фремонте. Прежде чем войти, Ричард закуривает небольшую трубку, выпуская дым из окна.

– Не хочу делать из котят пассивных курильщиков, – шутит он.

После того как мы покупаем билеты, он сообщает, что Мэг тут часто бывала. Я киваю, будто мне это уже известно. В клубе никого нет. Пахнет выдохшимся пивом, отбеливателем и отчаянием. Оставив Ричарда у бара, я иду одна играть в пинбол. К десяти начинает собираться народ, а в одиннадцать выходит первая группа, вокалист больше рычит, чем поет, а в музыке очень много фидбэка.

Несколько нормальных песен спустя ко мне подходит Упоротый Ричард.

– Это Бэн МакКаллистер, – говорит он, показывая на гитариста-ревуна.

– Ага, – отвечаю я. Я впервые слышу это имя. До нашей дыры имена сиэтлских музыкантов долетают далеко не сразу.

– Мэг тебе о нем говорила?

– Нет, – коротко отвечаю я. Хотя мне уже хочется закричать, чтобы мне перестали задавать этот вопрос. Я теперь не знаю, что Мэг мне говорила, а я пропустила мимо ушей, а чего нет. И уверена, черт побери, только в одном – что она не рассказывала мне о таких жутких страданиях, избавиться от которых можно было, только выпив банку промышленного яда.

Упоротый Ричард все рассказывает, как Мэг была повернута на этом парне, а для меня его рассказ звучит как белый шум, потому что в свое время на каких гитаристах только не была помешана Мэг. Но тут этот конкретный чувак, этот Бэн МакКаллистер, делает паузу, отхлебывает пива из бутылки, взявшись за ее

длинное горлышко двумя пальцами, а гитара повисает у его тонкой ноги, словно лишняя конечность. А затем он поворачивается к толпе, на него падает яркий свет прожекторов, я замечаю, что у него просто до невозможности синие глаза, и он делает такой жест рукой, словно прикрывает их от солнца, и принимается искать кого-то в толпе, и от того, как именно он это делает, у меня что-то щелкает внутри.

– А наверное, это «трагический герой гитары», – говорю я.

– Никакого в нем героизма нет, – отвечает Упоротый Ричард.

Трагический герой гитары. Я вспоминаю, что о нем она писала раз-другой, что в целом было примечательно, потому что о парнях Мэг не распространялась. Поначалу казалось, что она заинтересовалась группой и влюбилась в него, как и всегда влюблялась в ребят – да и в девчонок – из этих групп.

Трагический герой гитары. Подруга рассказывала мне о его группе, по звуку напоминающей ретро в стиле «Sonic Youth»/«Velvet Underground», но с современной чувственностью. В общем, как обычно в духе Мэг. Но она также упомянула и его настолько яркие синие глаза, что она вначале подумала, что это контактные линзы. И вот я вижу их перед собой. И впрямь удивительный оттенок.

Мне вспоминается еще одна строчка из ее письма. Мэг спросила: «Ты помнишь, что нам советовала Триша, когда только начала работать в баре?»

Триша обожает раздавать советы, особенно такой чуткой аудитории, как Мэг. Но я каким-то образом сразу поняла, о чем она спрашивает.

– Девочки, никогда не спите с барменами, – предостерегала нас Триша.

– Почему? Потому что все так делают? – спросила Мэг. Ей нравилось, как Триша с нами разговаривает, как будто мы ее подружки из бара и как будто мы уже с кем-то спим.

– Поэтому тоже, – ответила Триша, – но главным образом потому, что так вы лишитесь бесплатной выпивки.

Мэг написала, что то же самое касается и трагических героев гитары. Меня это смутило, потому что подруга не говорила, что ей этот чувак нравится, или что она с ним встречается, или уж тем более спит, у нее такого опыта еще не было, за исключением одного момента, про который мы обе согласились, что он не в счет. Разумеется, если бы с Мэг произошло такое серьезное событие, то есть если бы она с кем-то переспала, она бы мне сказала. Я собиралась у нее об этом спросить, когда она приедет. Но этого не случилось.

Значит, это он и есть. Трагический герой гитары. До этого он казался неким мифическим персонажем, и обычно дать мифическому существу реальное имя – это все равно что приручить его. Но с Бэном МакКаллистером это не работает.

Я начинаю наблюдать за группой пристально. Он исполняет тот же фокус, что и все рокеры: резко отводит гитару, склоняется к ней, потом к микрофону, прекращает играть и хватается за микрофон, как за шею любовницы. Это, конечно, всего лишь театральный ход. Но исполняет он его хорошо. Фанаток у него, наверное, целая куча. Но поверить не могу, чтобы и Мэг оказалась в их числе.

– Наше имя – «Scarps», а за нами играет «Silverfish», – сообщает Бэн МакКаллистер в конце своего короткого сета.

– Готова двигать назад? – спрашивает Упоротый Ричард.

Но я не готова. У меня сна ни в одном глазу, и я страшно зла на Бэна МакКаллистера, который, насколько я понимаю, поимел мою подругу в различных смыслах этого слова. Он использовал ее как одноразовую поклонницу? Он что, не понял, что имеет дело с Мэг Гарсиас? Мэг нельзя поматросить и бросить.

– Пока нет, – говорю я Ричарду, встаю и направляюсь к бару, где стоит Бэн МакКаллистер с новой бутылкой пива и общается с кучкой народа, собравшегося, чтобы сообщить ему, как классно он отыграл. Я целенаправленно шагаю в его сторону, но, оказавшись у него за спиной, когда уже стало видно каждый позвонок на его шее и татуировку на лопатке, ловлю себя на том, что и понятия не имею, что сказать.

Зато Бэн МакКаллистер как будто знает. Закончив через несколько секунд треп с другими девчонками, он разворачивается и смотрит на меня.

– Я тебя заметил.

При ближайшем рассмотрении Бэн МакКаллистер оказывается куда краше, чем допустимо для мальчика. Кажется, такой внешностью славятся ирландцы: темные волосы, кожа, про которую у девушки сказали бы «цвета гипса», а для рокера такая бледнота идеальна. Пухлые красные губы. И глаза. Мэг была права. Похоже, что линзы.

– Где заметил? – переспрашиваю я.

– Вон там, – он показывает на столики. – Я друга высматривал, который обещал прийти, но в свете прожекторов ни черта не видно. – Бэн снова делает такой же жест, словно прикрывает глаза от солнца, как тогда, на сцене. – Но тебя я заметил, – и добавляет после паузы, – как будто это я тебя искал.

Это у него ход такой? Рабочая фраза? Он настолько ее отрепетировал, что и во время концерта нарочно прикрывает глаза рукой, всматриваясь в толпу? Нет, идея-то отличная. Ведь если ты действительно была в толпе, то подумаешь: «Ого, он действительно меня искал». А если нет – все равно заход-то романтичный, и этот рокер, наверное, очень тонкая натура, если верит в судьбу.

Он и к Мэг с такими же словами подъехал? И такой подход с ней сработал? Я с содроганием думаю о том, что моя подруга могла купиться на такое говно, но, с другой стороны, Мэг оказалась далеко от дома, в глаза ей попала звездная пыль, в нос ударили гитарные пары – и кто знает?

Он принимает мое молчание за застенчивость.

– Как тебя зовут?

Скажет ли ему что-нибудь мое имя? Она ему обо мне говорила?

– Коди, – говорю я.

– Коди, Коди, Коди, – словно пробует он. – Имя для ковбойки, – протяжно продолжает Бэн. – А откуда ты, ковбойка Коди?

– Из ковбойской страны.

Его губы медленно расплываются в улыбке, словно он сознательно ее контролирует, выдавая маленькими порциями.

– Хотел бы я там побывать. Может, я приеду тебя навестить, а ты прокатишь меня с ветерком, – Бэн смотрит на меня многозначительно, на случай, если я не поняла двусмысленности.

– Да ты сразу вылетишь из седла.

Ха, ему понравилось. Думает, что я с ним флиртую, скот.

– Да?

– Угу. Лошади хорошо чуют страх.

Его лицо на миг кривится. Затем он продолжает:

– С чего ты взяла, что я испугался?

– Городские гаденыши обычно трусы.

– А почему ты решила, что я городской гаденыш?

– Ну, мы же в городе. А ты гаденыш, разве нет?

На его лице тут же читается недоумение. Парень явно не может понять, то ли у меня такой дикий стиль флирта и я из тех девчонок, кто очень горяч, хотя и немного чересчур агрессивен в постели, либо это уже переросло во что-то другое. Он снова изображает на лице ленивую улыбочку неспешно восходящей рок-звезды.

– Ковбойка Коди, ты с кем обо мне разговаривала? – говорит он как бы небрежно, но в голосе сквозят нотки менее приятного тона.

Я наклоняюсь к нему поближе.

– Хочешь знать, с кем я о тебе разговаривала, Бэн МакКаллистер? – отвечаю я с придыханием – этот трюк очень хорошо исполняет Триша.

Он тоже подается ко мне. Может, вообразил, что мы поцелуемся. Похоже, в большинстве случаев это ему действительно настолько легко дается.

– Может, сказать, с кем я недостаточно разговаривала? – у меня уже не осталось голоса, одно придыхание.

– С кем? – Бэн уже так близко, что я чувствую запах пива.

– С Мэг Гарсиас. Уже месяц с ней не общалась. А ты?

Я раньше выражение «в ужасе отпрянул» только слышала, но увидев, как Бэн МакКаллистер от меня отшатывается, я по-настоящему понимаю значение этих слов. Он напомнил мне змею, которая сначала отпрянет назад, а потом наносит удар.

– Что это за херня? – спрашивает он. Флирт между нами на сегодня закончен, голос Бэна уже превратился в настоящий рык, совершенно непохожий на ту подделку, которая звучала со сцены заместо пения.

– Мэг Гарсиас, – повторяю я. Мне уже трудно смотреть ему в глаза, но за последний месяц я стала специалистом по трудным вещам. – Знаешь ее?

– Ты кто такая? – В глазах у него загорается какой-то огонь, похожий на ярость, а зрачки, наоборот, превратились в льдышки. И уже не кажется, что это контактные линзы.

– Или ты ее просто поматросил и бросил?

Кто-то хлопает меня по плечу. За спиной оказывается Упоротый Ричард.

– Мне рано вставать, – говорит он.

– Я уже закончила.

Дело к полуночи, а я прошлой ночью спала всего три часа, с тех пор ничего не ела, и меня уже потряхивает. Дойдя почти до выхода, я спотыкаюсь. Ричард хватает меня за руку, и тут я делаю ошибку – разворачиваюсь, чтобы бросить последний испепеляющий взгляд на Бэна МакКаллистера, этого поверхностного смазливого мудачка-кривляку.

И очень зря. Его лицо передернуло в борьбе таких эмоций, как гнев и вина. Это выражение очень хорошо мне знакомо. Вижу его каждый день в зеркале.

6

Я падаю на велюровый диван прямо в одежде. А проснувшись в воскресенье утром, обнаруживаю, что у меня на груди и лице спят Раз и Еще Раз. Либо я захватила их диван, либо они захватили меня. Поднявшись, я замечаю, как последний жилец дома, которого за все эти дни я вижу впервые, ставит в раковину чашку из-под хлопьев и выходит через заднюю дверь.

– Гарри, пока, – кричит ему вслед Элис.

Значит, это Гарри. По словам Мэг, он почти все время проводит в своей комнате с многочисленными компами и банками с кимчи.

Элис уходит на кухню и приносит мне чашку кофе, объявив, что зерна выращены в Малави, в затененной свободной зоне, и приобретены в рамках паритетной торговли. Я киваю, как будто меня интересует в кофе хоть что-то кроме того, чтобы он был горячий и с кофеином.

Я остаюсь сидеть на диване, а коты принимаются играть, лупя друг друга по морде. У Раза вывернулось ухо. Я поправляю, он мяукает. И это существо кажется мне таким беспомощным, что, хочу я того или нет, но я никак не смогу отвезти их в приют, даже в такой, где их не усыпят.

Выпив кофе, я выхожу с телефоном на крыльцо, где кто-то выставил пустые бутылки из-под пива, точно кегли в боулинге. Я звоню Трише. Сейчас только десять тридцать, но она чудесным образом все же берет трубку.

– Ну, как большой город? – интересуется она.

– Большой, – отвечаю я. – Слушай, что ты скажешь, если я привезу домой пару котят?

– А что ты скажешь, если я предложу тебе пожить где-нибудь в другом месте?

– Это на время. Пока я не пристрою их в хорошие руки.

– Коди, забудь об этом. Я восемнадцать лет растила тебя. Больше мне никакие беспомощные создания не нужны.

Мне в таком отношении много что противно – и не в последнюю очередь намек на то, что я – беспомощное существо, которое она холила годами. Вообще я бы сказала, что я сама себя растила, хотя это было бы нечестно по отношению к семье Гарсиасов. Когда у меня был острый фарингит, это Сью заметила налет у меня на миндалинах и отвела к педиатру, чтобы мне выписали антибиотики. Когда у меня начались месячные, Сью купила мне прокладки. Триша лишь бегло указала мне на тампоны в шкафчике «на случай когда понадобятся», не догадываясь, насколько двенадцатилетнего ребенка могла напугать сама мысль засунуть в себя что-нибудь размера «супермакси». Что же до пятидесяти обязательных учебных часов вождения, необходимых для получения прав, Триша продержалась целых три. Остальные сорок семь взял на себя Джо, проведя со мной и Мэг в машине бессчетное число воскресений.

– Я тут, возможно, еще на несколько дней задержусь, – говорю я. – Прикроешь меня в понедельник у мисс Мейсон? За сорок баксов.

– Конечно. – Деньги Тришу привлекают. Она не интересуется ни почему, ни когда я вернусь.

Потом я звоню Гарсиасам. С ними дело обстоит сложнее, потому что, если я скажу им о котятах, они тут же предложат взять их себе, даже невзирая

на отношение Самсона к кошкам, и это кончится катастрофой. Я сообщаю Сью, что мне нужна еще пара дней, чтобы доделать тут все за Мэг. В ее ответе слышится облегчение, и больше она ни о чем не спрашивает. Говорит, что можно не спешить. Я уже собираюсь вешать трубку.

– Да, Коди…

Я ненавижу это вот «да, Коди». Все равно что услышать, как взводят курок. Как будто мне сейчас скажут, что все знают.

– Да?

Следует долгая пауза. Сердце начинает стучать сильнее.

– Спасибо тебе, – это все, что говорит Сью.

Я возвращаюсь в дом и спрашиваю у Элис совета, как лучше пристроить котят. В хорошие руки.

– Можно дать объявление на сайте Крейглист, но я слышала, что иногда там берут животных для лабораторных исследований.

– Не очень подходяще.

– Ну, можно еще расклеить объявления. Фотки с котятами всем нравятся.

Я вздыхаю.

– Ладно. Как?

– Сфотографировать, потом, наверное, отправить себе на почту, добавить текста, распечатать… – начинает она. – Но, наверное, проще воспользоваться ноутбуком Мэг, у него есть встроенная камера.

Этот комп за тысячу восемьсот баксов ей купили родители, когда она уезжала в колледж. До сих пор кредит выплачивают.

Я поднимаюсь в ее комнату и отыскиваю ноутбук в одной из коробок. Включаю. Он запрашивает пароль, я ввожу «Рантмайер», и он запускается. Я спускаюсь, а Элис усаживает котят, чтобы сфотографировать их вместе, что оказывается труднее, чем можно было предположить. Я вспоминаю, что мозгов у котенка не больше наперстка. Наконец я делаю кадр. Элис быстренько составляет объявление, и я возвращаюсь в комнату Мэг, чтобы попробовать его распечатать.

Я уже чуть было не закрыла ноутбук. Но увидела на панели инструментов внизу ярлычок почтового клиента и, не задумываясь, открыла. Тут же загрузилась куча новых писем – в основном спам, всякая бредятина от каких-то неизвестных людей, которые не в курсе, что она умерла, и среди всего этого пара сообщений со словами «Мэг, мы по тебе скучаем», а еще в одном говорится, что она сгниет в аду, потому что самоубийство – грех. Это я удаляю.

Мне интересно, что было в последнем письме Мэг. И кому оно было адресовано. Было ли оно о самоубийстве? Переходя в папку отправленных, я оглядываюсь, как будто на меня кто-то смотрит. Но, разумеется, никого нет.

Это оказывается не предсмертное послание. Оно было составлено за два дня до смерти, и, как мы все знаем, настроено на отправку через день после смерти. А после него она написала еще целую кучу сообщений, в том числе и в библиотеку: Мэг пыталась оспорить штраф за просроченную книгу. Она что, знала, что скоро умрет, и все равно переживала из-за библиотечного штрафа?

Как так можно? Как люди принимают подобные решения, пишут подобные письма, а потом живут как ни в чем не бывало? Если ты на такое способен, нельзя ли и дальше жить как ни в чем не бывало?

Я открываю еще одно из отправленных. Вот что она написала Скотти на той же неделе, когда покончила с собой: «Привет, Рантмайер, я тебя обожаю. И это навсегда».

Было ли это прощание? Может, она и мне что-то такое написала, что я пропустила?

Я прокручиваю дальше, и вот что странно: за неделю, предшествующую смерти, Мэг написала очень много, но за ней следует огромный полуторамесячный перерыв, а потом с конца января снова идут письма.

Я уже снова собиралась все закрыть, как увидела письмо, отправленное на адрес bigbadben@podmail.com за несколько дней до смерти. Чуть-чуть поколебавшись, я открываю.

Больше тебе обо мне беспокоиться не придется. ?

Это уже другое прощание, и, несмотря на веселую рожицу, я ощущаю, что у нее разбито сердце, что она чувствует себя отверженной и пораженной – подобные вещи у меня никогда не ассоциировались с Мэг Гарсиас.

Я возвращаюсь в ее входящие и принимаюсь искать письма от этого bigbadben. Переписка тянется до осени, первые сообщения совсем коротенькие и полны острот, такой однострочный стеб – по крайней мере с его стороны. Ее ответов я не вижу, лишь его реплики, потому что он каждый раз обрезал ее письма. Переписка началась после того, как Мэг впервые попала на его выступление, всякое «спасибо, что пришла на концерт, спасибо за комплименты моей дерьмовой группе» – деланое самоуничижение, которое раскусил бы и шестилетний. Также написано, когда следующие концерты.

Затем тон делается более дружеским, после чего начинается флирт: в одном сообщении он дает ей прозвище Безумная Мэг, в другом рассуждает о ее электрических говнодавах (наверное, имеются в виду ковбойские ботинки из оранжевой змеиной кожи, которые моя подруга нашла в Гудвиле и носила, не снимая). Еще в паре писем он снова называет ее чокнутой, так как любому известно, что Кит Мун[9 - Кит Джон Мун (1946–1978) – британский барабанщик, наибольшую известность получивший как участник рок-группы «The Who».] – однозначно лучший барабанщик на свете. И еще несколько реплик на ту же тему рока, вокруг которой Мэг могла флиртовать днями.

Но потом тон резко меняется. «Все нормально. Мы остаемся друзьями», – пишет он. Но дискомфорт ощущается даже здесь, за три шага и четыре месяца. Я перехожу в отправленные, чтобы посмотреть, что она ему написала: вижу начало переписки, треп про Кита Муна, но чем вызваны более поздние письма – нет, там снова выдран кусок. Почти весь январь и февраль. Странно это.

Я возвращаюсь к письмам Бэна. Еще в одном говорится: «Не парься из-за этого». В другом он просит так поздно не звонить. Еще в одном не особо убедительно повторяет, что да, они все еще друзья. Еще в одном спрашивает, не она ли взяла у него майку с «Madhoney»[10 - Американская гранж-группа, сформировавшаяся в 1988 году в Сиэтле.], и если да, то пусть вернет, потому что она отцовская. Затем я читаю одно из последних его писем. Одно предложение, но такое жестокое, что у меня кровь в жилах от ненависти к этому Бэну МакКаллистеру леденеет: «Мэг, отстань от меня».

Вот она и отстала. Да уж.

Вчера я видела большую, аккуратно сложенную, черно-бело-красную футболку. Поскольку я ее не узнала, бросила в кучу вещей на отдачу. Я хватаю ее – там написано «Madhoney». Его драгоценность. Даже этого не захотел ей оставить.

Я возвращаюсь к ноутбуку и яростно строчу Бэну новое письмо из ящика Мэг с темой «Возвращение из мертвых».

«Твоя драгоценная футболочка воскресла. А в остальном на чудеса и воскрешения есть предел».

Письмо я не подписала и отправила, не успев подумать. Сожалеть об этом я начинаю через целых тридцать секунд и тут вспоминаю, почему вообще ненавижу электронную почту. Когда пишешь письмо, например, отцу, можно исписать кучу страниц, как тебе кажется, важными вещами, поскольку ты даже не знаешь, где он живет, а если бы и знала, то на поиски конверта с маркой ушла бы уйма времени, к которому ты это письмо уже успеешь разорвать. А потом в один прекрасный день ты находишь его электронный адрес, подходишь к компу с Интернетом, где уже такого мягкого тыла нет, пишешь все, что чувствуешь, и жмешь на «отправить», не дав себе шанса отговорить себя от этого поступка. А потом ждешь, и ждешь, и ждешь, а ответа все нет, и то, что было для тебя важным, оказывается ерундой. И ты понимаешь, что не стоило этого говорить.

Мы с Элис обклеиваем все улицы Такомы рядом с колледжем объявлениями про котят. Затем ей приходит в голову умная мысль расклеить их в понтовом

магазине здорового питания, где затариваются богачи. Мы садимся на автобус, и по пути она мне рассказывает, что магазин не относится к сети «Хоул Фудз», но, возможно, и его тут скоро откроют. На мое «восхитительно» Элис, не уловив сарказма, отвечает «да», и я поворачиваюсь к окну в надежде, что она заткнется.

Поездка оказывается неудачной, потому что менеджер запрещает нам расклеивать там объявления, так что мы просто вручаем их богатеньким покупателям с пакетами из макулатуры, и они все смотрят на нас так, словно мы раздаем бесплатный крэк на пробу.

Возвращаемся мы после пяти, и даже бодрая Элис уже поникла. А я в ярости и отчаянии. Я не ожидала, что пристроить котят так сложно, и у меня такое ощущение, что надо мной зло подшутили, и Мэг смогла посмеяться надо мной последней.

В доме пахнет готовкой – точнее, непривычным и неприятным сочетанием специй, которые вместе обычно не используются: карри, розмарин и чрезмерное количество чеснока. На диване я снова вижу Дерево с пивом.

– Я думала, ты уже уехала, – холодно говорит она.

Элис крепит объявление на доске у двери рядом с большой рекламой завтрашней встречи «Линии жизни». И объясняет Дереву, что я пытаюсь найти дом для Раза и Еще Раза.

Дерево кривится.

– Что, ты что-то против котят имеешь? – спрашиваю я.

Она морщит нос.

– Раз и Еще Раз. Клички какие-то пидорские.

– Я бисексуалка, так что мне не особенно нравится, как уничижительно ты используешь этот термин, – Элис пытается ее раскритиковать, но каким-то образом у нее это выходит все равно слишком жизнерадостно.

– Ну извини. Я понимаю, что это коты погибшей, но имена все равно пидорские.

С такими заявлениями Дерево похожа не столько на хиппи, сколько на обычное быдло из нашего городка. За это я ненавижу ее одновременно и еще больше, и меньше.

– А тебе какие клички больше нравятся? – спрашиваю я.

– Мне – Тик и Так. Я про себя их так и называю.

– А что, по-твоему, Раз и Еще Раз – плохо? – в грязном фартуке и с деревянной ложкой в руке появляется Упоротый Ричард. – Я думаю, что надо назвать их Ленни и Стивом.

– Это не кошачьи имена, – говорит Элис.

– Почему это? – недоумевает Упоротый Ричард, поднимая ложку, содержимое которой как раз и излучает тот странный запах. – Кто хочет попробовать?

– Что это? – интересуется Дерево.

– Всечтобыловхолодильнике. Тушеное.

– И котов бы туда положил, – отвечает она. – Тогда и пристраивать бы не пришлось.

– Ты же вроде вегетарианка, – язвит Элис.

Упоротый Ричард предлагает мне разделить с ним его омерзительную трапезу. Пахнет так, будто все специи ввязались друг с дружкой в спор, которого никто не выиграл. Но отказываюсь я не поэтому. Я просто отвыкла от общества. И не знаю, когда это произошло. У меня раньше были друзья – не то чтобы настоящие, но были – из нашей школы, из нашего городка. И раньше я все время проводила у Гарсиасов. А сейчас это раньше кажется таким далеким от сегодняшнего дня.

Покинув всех, я иду на кухню попить. Я до этого купила литр «Доктора Пеппера» и убрала в холодильник, но Упоротый Ричард в своем кулинарном приступе все переставил, так что приходится рыться. В глубине мне попадается пара банок «Ар-Си колы», и мне становится нехорошо, потому что единственной из моих знакомых, кто это пил, была Мэг. Я беру старую кружку с изображением группы «Sonics», бросаю в нее лед и наливаю колу. Не хочу, чтобы после меня тут хоть что-то от нее осталось.

Я выхожу с кружкой на пустое крыльцо. Правда, оно оказывается не пустым, и я так резко торможу, что обливаю колой себе рубашку.

Он курит, вишневый огонек сигареты угрожающе мерцает в сгущающихся сумерках.

Я даже не знаю, что меня больше шокировало: что мое письмо возымело эффект или что, судя по виду, он хочет меня убить.

Но такой возможности я ему не дам. Поставив кружку на перила, я разворачиваюсь и начинаю подниматься по лестнице – стараясь не спешить, успокоиться. Он пришел за футболкой, и я ему ее отдам. Брошу в рожу и скажу, чтобы проваливал.

Я слышу шаги по гравию, потом – как он поднимается за мной по лестнице, и толком не знаю, что делать, потому что, если позвать на помощь, я произведу впечатление слабачки, но у него был такой взгляд… Как будто до него дошло не только мое письмо, но и вся ненависть, и теперь он решил перенаправить ее в мой адрес.

Я вхожу в комнату Мэг. Футболка так и лежит на куче, где я ее оставила. Он поднялся за мной и остановился в дверях. Я швыряю футболку ему. Мне хочется, чтобы он убрался – целиком и полностью. Но он стоит. Майка после столкновения падает на пол.

– Что за херня? – вопрошает он.

– Что? Хотел футболку, получай.

– Кто так делает?

– А что я сделала? Ты просил вернуть футболку…

– Блин, Коди, прекрати это, – обрывает он. А мне так странно слышать свое имя. Это уже не «ковбойка Коди», не флиртующий рычащий голос. А просто мое имя, голое, без прикрас. – Ты отправила мне письмо от имени умершей девушки. Ты чего такая жестокая? Или ты еще и двинутая?

– Ты просил вернуть футболку, – повторяю я, уже испугавшись, и мой голос звучит уже не так уверенно.

Он зло смотрит на меня. Глаза в тусклом свете комнаты Мэг кажутся уже другого оттенка. Мне вспоминается ее последнее письмо. Больше тебе обо мне беспокоиться не придется. И ярость возвращается.

– Ты что, не мог оставить ей это? – спрашиваю я. – Может, не мешало бы дарить сувениры всем тем бесчисленным телкам, которых ты, по всей вероятности, трахаешь. Футболочки на память. А уж отбирать? Просто шикарно.

– Ты, видимо, ничего не поняла.

– Так просвети меня, – в моем голосе вовсю сквозит отчаяние. Он ведь прав. Я действительно ничего не понимаю. Если бы я хоть что-то понимала, я бы в последние месяцы не пребывала в таком тумане и мы бы сейчас тут не стояли.

Он смотрит на меня, словно на мерзость какую-то. И я поверить не могу, что это тот же человек, который так елейно заигрывал со мной вчера.

– Что произошло? – вопрошаю я. – Она тебе наскучила? У тебя все отношения с девушками такие? Тебе просто фантазии не хватило, потому что, если бы ты ее узнал как следует, тебе бы никогда не стало скучно. Это же была сама Мэг Гарсиас, и кто ты такой, блин, Бэн МакКаллистер, чтобы просить ее отстать от тебя? – голос готов дрогнуть, но я этого не допущу. Дам волю чувствам я потом. «Потом» это всегда можно сделать.

У Бэна меняется лицо. Появляются льдышки.

– Откуда тебе известно, о чем я ее просил?

– Письмо видела: «Мэг, отстань от меня». – До этого фраза показалась мне жестокой, а в моих устах она звучит просто жалкой.

По лицу видно, что он хочет меня уничтожить.

– Даже не знаю, что гаже: читать письма мертвой или писать с ее адреса.

– Только гад в этом может разобраться, – мой ответ уже совсем так себе.

Бэн смотрит на меня и качает головой. И уходит, а его бесценная футболка остается тряпкой валяться на полу.

7

Только через час после ухода Бэна я успокаиваюсь. И только еще через час набираюсь смелости снова запустить ноутбук Мэг. В одном он был прав: я ничего не поняла. Судя по тому, как он это сказал, Мэг сделала что-то такое, чтобы заслужить такую мерзотную реакцию. Я ее знаю. И знаю ребят вроде Бэна. Через Тришу их за долгие годы много прошло.

Я снова открываю почтовый ящик подруги, захожу в отправленные, но письма есть только ранние, ноябрьские: флирт с ее стороны, рассуждения о том, кто лучше писал песни, кто лучший барабанщик, какая группа самая переоцененная, какая самая недооцененная. А потом, перед каникулами, все это резко остановилось. Особого ума не надо, чтобы понять: они переспали. А затем он ее бросил.

Менее ясен пробел в сообщениях от Мэг. Мы с ней зимой особо не переписывались, но я уверена, что хоть что-то, да было. Я захожу в собственную почту, чтобы убедиться, что я это не нафантазировала, и в январе оказывается пусто, а за февраль сообщения от нее есть. А в ее отправленных – нет.

Странно. Она подцепила какой-то вирус, который сожрал почту за несколько недель? Или она их куда-то перенесла? Я начинаю рыться в других

приложениях, хотя сама не знаю, чего ищу. Открываю календарь – в нем ничего нет. Проверяю корзину, на случай, если удаленные файлы попали туда. Там куча всего, но в основном какая-то ерунда. Есть одна безымянная папка. Я пробую ее открыть, но через корзину не получается. Перетащив ее на рабочий стол, я делаю еще одну попытку, но в этот раз компьютер сообщает мне, что файл закодирован. Испугавшись, что это может быть вирус и я испорчу комп, я снова бросаю его в корзину.

Всего полдесятого, а я опять еще ничего не ела, к тому же меня уже мучает жажда, но спускаться не хочется. Так что я раздеваюсь и ложусь в кровать Мэг с привидениями, потому что постель с ее запахом сейчас как раз то, что мне нужно. Я понимаю, что после этого наши запахи смешаются и ее станет менее выраженным, но это почему-то вдруг становится не важным. Ведь раньше всегда так и было.

8

На следующее утро я просыпаюсь от тихого стука в дверь. В незанавешенное окно светит яркое солнце. Я сажусь, в голове словно песок.

Снова раздается стук.

– Войдите, – хриплю я.

В дверях появляется Элис, опять с чашкой кофе – зерна наверняка собраны карликами из Никарагуа.

Я потираю глаза, беру кофе, издав стон благодарности.

– А сколько времени?

– Полдень.

– Полдень? Я четырнадцать часов проспала.

– Ага, – она осматривается. – Может, и не в Мэг дело было. Может, эта комната усыпляет, как маковое поле из «Волшебника из Страны Оз».

– В каком смысле?

– Она ужасно много спала. Почти все время. Если не тусовалась со своими «крутыми друзьями из Сиэтла», – тут Элис рисует кавычки в воздухе, – то спала.

– Мэг любит… то есть любила поспать. Много энергии потребляла. И сон ей нужен был для восстановления сил.

Элис смотрит на меня скептически.

– Я других таких людей не видела.

– Она в десятом классе переболела мононуклеозом, – объясняю я и тут же вспоминаю, насколько жуткий этот год выдался. Мэг большую часть учебного года пропустила, и месяцами ей пришлось заниматься самостоятельно, потому что она не могла подняться с кровати.

– И она с тех пор уставшая? – удивляется Элис.

– У нее был реально тяжелый случай. – Гарсиасы даже не разрешали мне ее навещать, чтобы я не заразилась.

– Больше похоже на вирус Эпштейна-Барра или типа того. – Элис садится на край кровати. – Я этого не знала. Я вообще не успела с ней как следует познакомиться.

– Ты вроде только недавно заселилась.

Она пожимает плечами.

– С другими-то познакомилась. И не думаю, что остальные ее прямо хорошо знали. Она была этакая одиночка.

Уж если человек Мэг нравился, то всерьез, а если нет… Дураков она не терпела.

– Чтобы ее узнать, надо было постараться.

– Я старалась, – настаивает на своем Элис.

– Наверное, недостаточно. В смысле, вряд ли вы от большой любви прицепили на дверь обложку этого диска.

Ее глаза, как у олененка Бэмби, наполняются слезами.

– Это не мы. Это она сама сделала. А нам сказали ничего не трогать.

Это Мэг, оказывается, приклеила. Не сомневаюсь, что специалисты по самоубийцам сказали бы, что это был предупредительный знак, крик о помощи, но все же в нем читается и извращенное чувство юмора Мэг. Последняя визитная карточка.

– А, – говорю я, – тогда ясно.

– Ясно? – спрашивает Элис. – Мне это кажется ужасным. Но, как я и сказала, я ее не особо хорошо знала. Наверное, я с тобой уже больше общалась, чем с ней, – с сожалением говорит она.

– Хотела бы я сказать, что ты не много потеряла, но это не так.

– Расскажи мне, какая она была.

– Какая?

Элис кивает.

– Такая, – я раскидываю руки, чтобы продемонстрировать грандиозность подруги, ее бесконечные возможности. Я не уверена, что это хорошее описание или что я себя так всегда рядом с ней чувствовала.

Элис смотрит на меня с мольбой. И я углубляюсь, рассказываю подробно о том, как мы с Мэг какое-то время работали телефонными продавцами – ничего на свете нет нуднее, – и, чтобы не было скучно, подруга все время меняла голоса. В итоге у нее начало получаться так хорошо – и голоса, и работа, – что она продавала барахла сверх нормы и ее отправляли домой пораньше.

Я рассказываю, что в какой-то момент в нашей библиотеке так резко сократили бюджет, что она открывалась всего на три дня в неделю, а на мне это сильно сказалось в худшую сторону, потому что если я была не у Гарсиасов, то там, то есть я практически жила в библиотеке. Мэг ходила туда не так часто, как я, но это не помешало ей поставить перед собой задачу прекратить это безобразие. Она подтянула на тот момент достаточно известные, а теперь просто ужасно популярные группы, с которыми познакомилась благодаря своему блогу, и организовала благотворительный концерт «Смерть рок-звездам, а не книгам», на который в наш городок съехался народ отовсюду, и удалось собрать примерно тысячу двести баксов, что было очень круто. А поскольку те группы были уже известны, а на рекламных постерах красовалась сама Мэг, о нас заговорила пресса, и руководству библиотеки со стыда пришлось увеличить график работы.

Затем я рассказываю, что у Скотти, который всегда был капризен по части еды, в какой-то момент развилась анемия. Врачи рекомендовали ему употреблять побольше железосодержащих продуктов, а Сью места себе на находила из-за того, что сын ни в какую не соглашался нормально питаться. Мэг знала, что брат помешан на тракторах, нашла на сайте Ибэй формочки для еды и делала ему трактора из картофельного пюре, шпината и мяса, и Скотти поедал их с удовольствием.

А один раз я ужасно поругалась с Тришей и сбежала из дома, чтобы разыскать отца, хотя она и заверяла, что он давным-давно уехал. Когда я добралась до озера Мозес, у меня кончились и деньги, и запал, и в тот момент, когда я была готова разреветься и психануть, возле меня остановились Мэг с Джо. Они всю дорогу ехали за моим автобусом. Но эту часть я Элис не рассказываю. Потому что такими историями только с хорошими друзьями делятся. А такая у меня была только одна.

– Вот какая она, Мэг, – подытоживаю я. – Она могла все. Решить за любого любую проблему.

Элис переваривает.

– За себя только не смогла.

9

Последнее памятное собрание в честь Меган Луизы Гарсиас проводится на небольшом мысу в Саунде. Гитарист со скрипачом играют песню Джоан Осборн[11 - Джоан Элизабет Осборн (р. 1962) – североамериканская певица и автор песен.] «Просвет». Кто-то зачитывает отрывок из Халиля Джибрана[12 - Джебран Халиль Джебран (1883–1931) – ливанский и американский философ, художник, поэт и писатель.]. Народу пришло немного, человек двадцать, все в обычной одежде. Ведет собрание чувак из психологического центра кампуса, но он, слава богу, не превращает его в публичную лекцию на тему предотвращения суицида, чтобы еще раз пройтись по списку предвестников, которые мы все, очевидно, пропустили. Вместо этого он говорит об отчаянии, о том, как оно разрастается в молчании. Именно оно приводит людей вроде Мэг к подобным решениям, и теперь нам надо прочувствовать и почтить то отчаяние, которое по ней осталось – даже у тех, кто ее, возможно, не знал.

Затем он осматривает собравшихся, и, хотя я вижу его впервые, хотя сижу далеко от него, рядом с Элис, и хотя я совершенно неохотно согласилась сюда прийти, да и то только потому, что мне было стыдно за мои обвинения в адрес Элис, что это они повесили на дверь обложку диска «Poison Idea», его взгляд останавливается на мне.

– Я знаю, что многие из нас изо всех сил пытаются разобраться в случившемся. Из-за того что мы не очень хорошо знали Мэг, груз может быть не слишком тяжелым, но перенести его все равно трудно. Мне сообщили, что сегодня здесь присутствует ее хорошая подруга Коди, которой, я подозреваю, тоже приходится нелегко.

Я бросаю гневный взгляд на Элис – явно это она меня выдала, но эта девчонка смотрит на меня совершенно невозмутимо.

Парень продолжает:

– Коди, если ты не против, я приглашаю тебя рассказать что-нибудь о Мэг. Или о том, что ты чувствуешь.

– Я не пойду, – шепчу я Элис сквозь зубы.

Она все смотрит на меня невинными, широко распахнутыми глазами.

– Мне стало сильно легче от того, что ты мне рассказала. Может, и другим это тоже поможет. Да и тебе самой.

Уже все на меня смотрят. Элис подталкивает меня локтем, и мне хочется ее убить.

– Просто расскажи о библиотеке, о том, как она кормила брата, – шепчет она.

Но, когда я выхожу, получается вовсе не какая-нибудь милая история о книгах, музыке или капризном братишке.

– Хотите, чтобы я рассказала вам о Мэг? – спрашиваю я. Риторически, и в голосе у меня звучит чистый сарказм, но все эти невинные овечки одобряюще кивают головами.

– Мэг была моей лучшей подругой, и я думала, что мы просто все друг для друга. Верила, что мы все друг другу рассказываем. Но оказалось, что я совсем ее не знала, – во рту жесткий металлический привкус. Гадкий, но я его смакую, как наслаждаешься собственной кровью, когда шатается зуб. – О ее здешней жизни я ничего не знала. Ни о занятиях. Ни о соседях по дому. Не знала, что она подобрала двух больных котят и выходила лишь для того, чтобы теперь они снова стали бездомными. Не знала, что она ходила по клубам в Сиэтле, влюблялась в парней, которые разбивали ей сердце. Я якобы была ее лучшей подругой, а ничего из этого не знала, потому что она мне не рассказывала. Она не говорила о том, что жизнь приносит ей непереносимые страдания. То есть я вообще об этом и не догадывалась, – у меня вырывается смешок, и я уже знаю, что, если не смогу удержать себя в руках, последует нечто такое, чего я слышать не хочу, да и никто другой не хочет. – Как можно не знать такого о лучшей подруге? Даже если она молчит, как можно такого не знать? Как можно считать ее потрясающей и классной, самым чудесным человеком на свете, в то время как, оказывается, ей было так больно, что пришлось выпить

яд, из-за которого все клетки лишились кислорода и сердцу осталось только остановиться? Так что лучше не спрашивайте меня ничего о Мэг. Потому что я ни хрена не знаю.

Кто-то ахает. Я смотрю в толпу, которая в свете солнца кажется мне очень пестрой. Стоит прекрасный весенний день, полный обещаний: ясное небо, пухлые облачка, легкий ветерок со сладким ароматом первых цветов. Таких дней быть не должно. Весны тоже. Я в глубине души думала, что зима в этом году не кончится.

Кто-то плачет. Это я их довела. Я сама стала отравой. Выпей меня, и умрешь.

– Извините, – говорю я и срываюсь с места.

Я бегу по траве к дороге, прочь из парка, к главной улице. Мне необходимо отсюда убраться. Из Такомы. Из мира Мэг.

За спиной слышатся шаги. Наверное, Элис или Упоротый Ричард, но сказать мне им нечего, так что я не останавливаюсь, но тот, кто сзади, бежит быстрее.

На плечо ложится рука. Я резко оборачиваюсь. Его глаза, на этот раз цвета неба после захода солнца, почти лиловые. Я впервые вижу, чтобы цвет глаз у человека менялся, словно индикатор настроения души. Если у этого есть душа.

С минуту мы стоим, уставившись друг на друга, стараясь отдышаться.

– Я могу рассказать. Если хочешь, – в голосе снова звучит рык. И неуверенность.

– Об этом я знать не хочу.

Он качает головой.

– Не об этом. Но кое-что рассказать могу. Если хочешь. О том, как она здесь жила.

– А тебе-то откуда знать? Если она тебе была нужна всего на одну ночь?

Он мотает головой.

– Давай пойдем куда-нибудь и поговорим.

– Ты как тут вообще оказался?

– Кто-то из ее соседей дал мне листовку. – Он говорит о том, как узнал о службе, но не о том, зачем пришел.

Мы стоим на месте.

– Ну же. Давай поговорим, – настаивает Бэн.

– Почему? Ты знаешь, почему она покончила с собой?

Он отдергивается. Как от отдачи ружья. Опять. Словно его в прямом смысле кто-то назад дернул. Только на лице в этот раз не злоба, а что-то другое.

– Нет, – отвечает он.

Мы идем в «МакДоналдс». У меня вдруг пробуждается зверский голод, хочется чего-нибудь невегетарианского, не органического, не здорового, а хлеба в непреходящих страданиях. Мы оба берем по спецпредложению с роял чизбургером и садимся за столик в тихом уголке возле пустой детской площадки.

Сначала мы молча едим. Затем Бэн начинает рассказ. О том, как Мэг появилась в тусовке инди-групп, немедленно сдружилась с кучей местных музыкантов – это на нее похоже. Он рассказывает, как ей, восемнадцатилетней девчонке из Зажопинска, восточный Вашингтон, все легко давалось, и все буквально ели у нее с руки – это тоже на нее похоже. Он поначалу завидовал, поскольку, когда сам за два года до этого приехал из Бэнда, штат Орегон, ему казалось, что его музыкальное сообщество очень долго игнорировало, прежде чем приняло в свою песочницу. Еще он рассказывает, как они притворно ругались из-за того, кто достоин звания лучшего барабанщика: Кит Мун или Джон Бонэм[13 - Джон Генри Бонэм (1948–1980) – британский барабанщик, член группы «Led Zeppelin».]. Кто лучший гитарист: Джими Хендрикс[14 - Джими Хендрикс

(1942–1970) – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор.] или Рай Кудер[15 - Райлэнд Питер Кудер (р. 1947) – американский гитарист, певец, композитор и продюсер.]. У кого самые цепляющие песни: у Нирваны или Роллингов. Потом он рассказал, как Мэг подобрала котят, услышав их писк из коробки на помойке в центре Такомы, возле приюта для бомжей, в котором работала по нескольку часов в неделю. Она откопала их, отнесла к ветеринару, истратила несколько сотен долларов на то, чтобы поставить их на ноги. Как раскручивала самых известных музыкантов города на деньги, чтобы оплатить лечение – это опять же точно в стиле Мэг. Как она кормила котят детским питанием из пипетки, потому что для кошачьего корма они были еще слишком малы. И из всего его рассказа именно от образа Мэг, выкармливающей брошенных котят, мне хочется плакать.

Но я держусь.

– Почему ты мне все это рассказываешь? – спрашиваю я, тоже уже почти рыча.

Перед Бэном на столе лежит пачка сигарет, но вместо того, чтобы курить, он жмет на кнопку зажигалки, и каждый раз с шипением вырывается огонек.

– Мне показалось, ты хочешь это знать, – и это звучит как обвинение.

– Почему ты мне все это рассказываешь? – повторяю я.

Глаза Бэна на время освещаются зажигалкой. И я снова вижу в них столько разных оттенков вины. У него, как и у меня, она окрашена раскаленной докрасна яростью, более жгучей, чем огонь, с которым он играет.

– Знаешь, она мне о тебе рассказывала, – говорит он.

– Правда? А мне о тебе – нет, – это, разумеется, ложь, но я не доставлю ему удовольствия признанием, что Мэг ему даже особое прозвище придумала. Все равно, как выяснилось, он вовсе не трагический.

– О том, как один из мужиков, у которого ты убирала, попытался схватить тебя за задницу, а ты ему так высоко руку за спину завела, что он заскулил и повысил оплату.

Да, это наша история с мистером Педью. Повышение на десятку в неделю. Такова цена попытки схватить меня за жопу против моего желания.

– Она тебя называла Баффи.

И это куда более серьезное подтверждение того, что Мэг ему действительно обо мне рассказывала. Подруга звала меня Баффи, когда я вела себя особенно дерзко, как Баффи Саммерз, истребительница вампиров[16 - Имеется в виду «Баффи – истребительница вампиров» – американский молодежный телесериал (1997–2003 гг.) с Сарой Мишель Геллар в главной роли о судьбе американской девушки, обладающей сверхчеловеческими силами. Снят по мотивам одноименного полнометражного фильма 1992 г.]. Себя она считала Уиллоу, ее подружкой с магическими способностями, хотя тут она заблуждалась: Мэг сама была и Баффи, и Уиллоу, сильной волшебницей, две в одном. А я лишь грелась в лучах ее света.

Мне неприятно, что Бэн все это обо мне знает, словно кто-то показал ему позорные фотографии из моего раннего детства. Что он в курсе таких подробностей, на которые не имеет права.

– Многовато она тебе рассказала для одного перепиха, – говорю я.

Ему как будто больно. Хороший притворщик этот Бэн МакКаллистер.

– Мы с ней дружили.

– Не уверена, что это называется дружбой.

– Нет, дружили, – настойчиво повторяет он, – до того, как все покатилось к чертям.

Их переписка. Стеб. Разговоры о роке. А потом эта внезапная перемена.

– Так что же случилось? – спрашиваю я, хотя и сама знаю что.

Но все равно ответ и то, как он это сказал, меня шокирует.

– Потрахались.

– Вы переспали, – повторяю я. Уж это-то я знаю. Что после того единственного раза моя подруга не стала бы делать это с тем, к кому не испытывает серьезного интереса. – Мэг не из тех, кому надо было просто потрахаться.

– Ну, я ее трахнул, – повторяет Бэн. – А после того, как трахнешь друга, все портится. – Он еще раз нажимает на кнопку зажигалки, а потом пламя снова гаснет. – И я знал, что так будет, но все равно сделал.

Его честность одновременно и притягивает, и отталкивает, словно какая-то ужасная автокатастрофа, на которую глазеешь, хоть и понимаешь, что потом будут сниться кошмары.

– Если ты знал, что это все испортит, то зачем тогда?

Он вздыхает, качая головой.

– Ну, ты знаешь, как это бывает, все происходит случайно и быстро, о последствиях не успеваешь задуматься. – Бэн смотрит на меня, но дело-то в том, что я не знаю. Кого-то это, может, и шокирует, но со мной такого ни разу не было. Когда родишься в семье «белой швали», делаешь все, чтобы вырваться из этой западни. Хотя в большинстве случаев от судьбы все равно не уйти. Но все же рыть себе яму и трахаться с каким-нибудь неудачником из нашего Зажопинска я не буду.

Я молча смотрю в сторону детской площадки.

– Это всего один раз случилось, но хватило. А после этого пошла фигня.

– Когда именно? – интересуюсь я.

– Трудно сказать. В районе Дня благодарения. А что?

Ясно. Письмо насчет совета не спать с барменами пришло как раз чуть раньше. Но котята? Они, судя по всему, появились после зимних каникул. А история про то, как мистер Педью схватил меня за задницу – в феврале, всего

за несколько недель до смерти.

– Но если это было так давно, как вышло, что ты в курсе последних известий? О котятах? Обо мне?

– Я думал, ты читала наши письма.

– Всего парочку.

Он кривится.

– То есть ты не в курсе всего, что она мне писала?

– Нет. Ее письма начиная с января до приблизительно за неделю до смерти удалены.

Судя по лицу, Бэн очень удивлен.

– У тебя комп с собой?

– Я смотрела на ноутбуке Мэг. Он у нее в комнате.

Он сминает обертки от еды.

– Идем.

Бэн открывает свою почту на сервере. Поиск по ее имени выдает целую кучу писем. Он слезает со стула, уступая место мне. В дверь влетает Еще Раз и начинает точить коготки о картонные коробки.

Я вижу самое начало – флирт со стебом, про Кита Муна и «Rolling Stones». И перевожу взгляд на Бэна.

– Смотри дальше, – говорит он.

Я смотрю. Флирта становится все больше. Письма – длиннее. Затем случается секс. Который как бы служит черной разделительной чертой. После которой письма Бэна становятся отстраненными, а Мэг – полными отчаяния. И еще какими-то странными. Если бы она писала такое мне, может, так бы не показалось. Но она рассказывала все это Бэну, чуваку, с которым они один раз переспали. Она исписывала целые страницы, повествуя обо всей своей жизни в подробностях, о котятах, обо мне, как будто очень детальные дневниковые записи. И чем сильнее он ее отталкивал, тем больше она писала. Но не сказать, что она совсем ничего не замечала. Мэг явно понимала, что ее поведение может выглядеть странновато – несколько писем страниц по 8–10 она закончила словами: «Мы же все еще друзья, да?» – словно хотела в этом убедиться. Словно просила разрешения и впредь рассказывать ему все это. Мне неловко это читать, в том числе и за нее неловко. Вот почему она стерла все отправленное?

И такие письма она писала ему каждые два-три дня в течение нескольких недель, прочитать их все невозможно – не только потому, что они жутко длинные, но и потому, что у меня внутри от них все страшно переворачивается. В письмах Мэг еще и ссылается на эсэмэски и телефонные звонки. Я спрашиваю у Бэна, сколько их было, но он не отвечает. Затем идет одно из его последних сообщений: «Найди себе другого собеседника», – написал он. И вскоре еще: «Отстань от меня». И мне вспоминается ее последнее: «Больше тебе обо мне беспокоиться не придется».

Надо остановиться. Бэн смотрит на меня так, что мне совсем не нравится. Мне больше подходил самодовольный наглец, которого я встретила пару дней назад. Поскольку я бы предпочла его ненавидеть. Я совсем не хочу, чтобы он смотрел на меня с нежностью. Не хочу видеть его уязвимость, его мольбу, словно теперь ему требуется поддержка. И уж точно мне не нужны никакие проявления щедрости с его стороны, например, чтобы он разбирался с котятами, что Бэн и предлагает.

Я лишь смотрю на него – типа: «Да кем ты себя возомнил?»

– Когда поеду домой, в Бэнд, отвезу их матери. У нее и так там, считай, зоопарк, так что еще две приблуды ей не помешают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/geyl-forman/ya-byla-zdes/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Корин Лиза Такер (р. 1972) – американская певица, гитаристка и актриса.

2

«Супер 8» – американский фантастический фильм режиссера Дж. Дж. Абрамса и продюсера Стивена Спилберга.

3

Жаклин Джилл Коллинз (р. 1937) – британская писательница.

4

Роман английской писательницы Шарлотты Бронте 1847 г.

5

Роман английской писательницы Джейн Остин 1813 г.

6

Роман Джейн Остин 1817 г.

7

Роман английской писательницы Эмили Бронте 1847 г.

8

Милан Кундера (р. 1929) – современный чешский писатель-прозаик.

9

Кит Джон Мун (1946–1978) – британский барабанщик, наибольшую известность получивший как участник рок-группы «The Who».

10

Американская гранж-группа, сформировавшаяся в 1988 году в Сиэтле.

11

Джоан Элизабет Осборн (р. 1962) – североамериканская певица и автор песен.

12

Джебран Халиль Джебран (1883–1931) – ливанский и американский философ, художник, поэт и писатель.

13

Джон Генри Бонэм (1948–1980) – британский барабанщик, член группы «Led Zeppelin».

14

Джими Хендрикс (1942–1970) – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор.

15

Райлэнд Питер Кудер (р. 1947) – американский гитарист, певец, композитор и продюсер.

16

Имеется в виду «Баффи – истребительница вампиров» – американский молодежный телесериал (1997–2003 гг.) с Сарой Мишель Геллар в главной роли о судьбе американской девушки, обладающей сверхчеловеческими силами. Снят по мотивам одноименного полнометражного фильма 1992 г.

Купить: https://tellnovel.com/ru/geyl-forman/ya-byla-zdes-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить